

Иван ОБРАЗЦОВ

МОГИЛА ТРЕВОЖНОГО СЕРДЦА

*Памяти Вадима Габриэловича Шершеневича,
поэта, литературного теоретика,
сына депутата 1 Государственной Думы*

Глава первая и единственная

*Исчезни!.. В миг, когда усилья
Покинут мертвенную плоть.
Архангелов незримых крылья
Дух вознесут к Тебе, Господь.
В.Шершеневич*

Будка администрации кладбища была похожа на серый двухэтажный сарай для хозяйственных нужд. Большим вопросом являлось пребывание внутри данного помещения живых людей. Всё же надпись настойчиво утверждала, что именно здесь находится кто-то из живых, наблюдающих за вечным упокоением мёртвых.

Поднявшись по деревянной, прилепленной вдоль стены как-то наспех лестнице и открыв обитую толстым войлоком дверь, человек оказывался внутри тесного, пропахшего разогретыми много раз нехитрыми блюдами помещения.

— Здравствуйте! — рядом с кирпичной печкой возился с какими-то кастрюлями здоровый угрюмый мужик. Он бросил косой взгляд и ушёл в угол, где стоял сколоченный из грубых досок стол.

— Простите, вы не могли бы мне подсказать...

С дивана встала толстая грязная тётка и вопросительно посмотрела на вопрошающего.

— Здесь, где-то на кладбище, есть могила поэта. Шершеневич, Вадим, э-э-э... Габриэлевич. Вы не подскажете...

Из-за угла комнаты неожиданно появился худой потрёпанный мужичок:

— А, это я знаю, пойдёмте, сейчас быстренько покажу.

* * *

1941 год, начало ноября.

Худой, болезненного вида человек, некогда прозванный московским Цицероном и гремевший на всю столицу, тяжело поднимался в гору, перешагивая навозные кучи и чавкая сапогами по грязи, смешанной с мокрым снегом. Это был широко известный, но, как он теперь понял — в узких кругах, поэт Вадим Шершеневич.

Чем больше унылых дней проводил он здесь, в эвакуации, тем сильнее угнетала мысль, что этот небольшой сибирский городок охладит любой поэтический пыл сильнее, чем весь вместе взятый репрессивный аппарат Советской республики. Тусклые силуэты высоких гор на горизонте и мрачные люди — слово «поэт» означало здесь что-то вроде помеси артиста, агитатора и юродивого и, в целом, совершенно бесполезного в хозяйстве человека. Сочетание же поэт-модернист вызывало у мрачных сибиряков веселье, а то и могло пойти в народ в качестве оскорбления. «Модернист, модернист!» — дразнили друг друга возившиеся на улице дети и били по ушам. «Модернист, мать твою!» — угрюмо ругал незадачливого ученика мастер на оборонном заводе.

Ленина и Сталина здесь знали все, но совершенно бессмысленно было объяснять,

кто такие Брюсов или Андрей Белый. Впервые идя выступать в один из военных госпиталей, Вадим полагал, что народ будет поражён, увидев воочию такого известного поэта, как Шершеневич. Всё оказалось совсем не так, и он, теоретик имажинизма, известный оппонент Маяковского, московский Цицерон, весь вечер рассказывал только о том, как лично был знаком с Есениным и Маяковским — только это интересовало и поражало слушателей. Другими словами, поэт Вадим Шершеневич, со всеми своими теоретическими изысканиями, стихотворениями и переводами, был совершенно никому неинтересен и неизвестен, а главное — совершенно бесполезен в хозяйстве.

Что касается его переводов Шекспира, Корнеля, Сарду или французских поэтов-символистов, то из-за них случались одни лишь нелепые анекдоты. Например, неделю назад, во время очередного литературного концерта в местном народном кружке сочинителей, после прочтения Вадимом своих переводов Шекспира, одна милая старушка, сидевшая в первом ряду, наивно спросила: «А вы что ж, и этого Шейкспира тоже знали?»

Вадим объяснил, что Шекспир умер ещё в начале семнадцатого века, но по лицу бабули было ясно, что она совсем не поняла, зачем переводить того, с кем не был даже знаком.

— Гаер, — всё чаще вспоминал Вадим свой старый псевдоним, — шут гороховый...

* * *

Памятник из чёрного лабрадора был установлен в 1962 году вдовой поэта Марией Михайловной Волковой, при финансовой поддержке Литфонда Союза писателей СССР. По воспоминаниям Марка Юдалевича, памятник привезли в Барнаул из Москвы и установили на месте полуразрушенной к тому времени кирпичной плиты, а помощь в установке камня оказывал зампредседателя Барнаульского горисполкома А.И. Мельников.

* * *

Стоя перед памятником, поймал себя на странном ощущении, что установлен он как-то странно, словно случайно. Походив по кладбищу, я понял, что он один повернут лицевой стороной к выходу и стоит как-то в повороту, словно при установке торопились и не обращали внимания на разные «мелочи». Кроме того, никакой могилы перед камнем не просматривалось, только ровная земля и тропинка наискосок через то место, где должен был находиться холм. Списать этот факт на прошедшие годы никак не удавалось, ведь вокруг были более старые могилы с вполне сохранившимися холмами. Были могилы тридцатых годов с остатками надгробных плит, но и там под плитами сохранились холмы.

Кто-то говорил, что это кенотаф, но вот почему появились такие разговоры, об этом сейчас уже вряд ли можно что-то выяснить. По большому счёту, разницы принципиально нет никакой. Кенотаф ли, могильная ли плита — всё одно, память о ком-то жившем. Вон даже мужичок этот сухощавый, знает, и то хорошо. Ну, вроде бы как хорошо.

* * *

*Ты на Малотобольской, а может, в проезде Крестьянском,
С пролетарием вьёшься, ругая суму и тюрьму.
Эта ночь повторяется, дикая и полупьяная,
И уносит тебя, без креста, в необшитом гробу...*

По прибытии в Барнаул Вадима Шершеневича с женой, актрисой московской оперетты, Марией Волковой разместили проживать недалеко от бывшего Нагорного кладбища, в частном доме на улице Денисова. Хозяйка дома, Люба, оказалась по-своему доброй, но эстетически сложно переносимой, по причине всегда вьющегося вокруг неё запаха потных подмышек и грязного белья. Какие-то женские потности, заботливость и неустойчивость соединялись в Любе в сложно передаваемый винегрет запахов. Вадиму теперь казалось, что именно так пахнет слово «пролетарий».

*Ты на Малотобольской, а может, в проезде Крестьянском,
С пролетарием вьёшься...*

«Господин-товарищ Шершеневич» — Любина манера обращаться к Вадиму тоже коробила, но ничего поделать с этим было невозможно. Видимо, так она невольно вы-

ражала своё чутьё дворянских корней Шершеневича, которые у него были, как говорится, налицо прописаны.

Марию Люба невзлюбила с самого начала, но это было закономерно и взаимно — уж сильно различались их представления о том, какой должна быть приличная женщина. Потому они старались не обращаться друг к другу вообще никак, а если возникала такая необходимость, то это всегда было сухое «Люба» или «товарищ Мария».

Ты на Малотобольской, а может, в проезде Крестьянском...

В голове часто крутились строчки какого-то, то ли столичного, то ли невольно сочинённого самим Вадимом, романа — в унылой и будничной суете постоянных необходимых выступлений и литературных встреч он просто не находил сил, чтобы в этом разобраться. Позже, совершенно случайно, Вадим узнал, что в Барнауле есть и Мало-Тобольская улица, и Крестьянский проезд, и списал навязчивую мелодию романа на собственный счёт.

*Ты на Малотобольской, а может, в проезде Крестьянском,
С пролетарием вьёшься, ругая суму и тюрьму.
Эта ночь повторяется, дикая и полупьяная,
И уносит тебя, без креста, в необшином гробу...*

* * *

— Простите, — опять угрюмый молчаливый мужик и грязная тётка, — а где я могу посмотреть записи с номерами могил и картой кладбища за сорок второй год?

— У нас ничего нету, — тётка говорила глухо и быстро. — Мы тут только сторожим. Она отвернулась, давая понять, что разговор закончен. Худого потрепанного не было. Пришлось начинать всё сначала, то есть с момента смерти Шершеневича.

В архиве ГМИИКА была только старая чёрно-белая фотография камня, датируемая примерно 1981 годом. В госархиве тоже не было никаких документов по захоронениям.

* * *

Вообще состояние какой-то неопределённой тоски не покидало Вадима уже много лет, а точнее, с того самого дня, когда его Юля, Юленька, Жюли, так бессмысленно и нелепо покончила с собой, в двадцать седьмом нажав своим тонким пальчиком на курок револьвера.

Ни смерть Валерия Брюсова в 24-м, ни самоубийство Есенина в 25-м не стали для него той точкой, с которой заканчивается жизнь — поэты не умирают, этой мыслью всегда можно было утешиться и оправдать потерю. Но то поэты, у них всегда есть шанс стать историей, мифом, потому что смерть поэта касается всех. А что делать со смертью любимого человека, что делать с личной трагедией, когда у других людей полно таких же личных трагедий, собственных концов света, — ответа на этот вопрос не было.

«Ветер, — думал он. — Здесь, должно быть, тепло, когда нет ветра, но ветер здесь есть всегда».

В этом городке можно было пойти в любую сторону — ветер всегда дул в лицо.

* * *

Нашёл автора повести «В пылающем небоскрёбе» — повесть о последнем годе жизни Шершеневича. Им оказался бывший учитель физики, литератор-любитель Анатолий Иванович Казаковцев. Он вспомнил, что, собирая материалы для своей книги, был в отделе ЗАГСа на ул. Профинтерна и видел запись о регистрации смерти Вадима Шершеневича.

* * *

Каждый день был суетлив и нелеп, начиная с самого первого дня их приезда в город. Товарные эшелоны и эшелоны с эвакуированными людьми — всё смешалось на барнаульском вокзале в одну кричащую, гремящую, говорливую и шумную массу.

В конторе, где оформляли документы эвакуированным артистам, пришлось стоять в огромной очереди, состоящей из бородатых мужиков, женщин с баулами и чемоданами, детей и людей в шинелях. Когда подошла очередь, Вадиму пришлось три раза

повторять по слогам свои фамилию и отчество, и когда в третий раз тётка с суровым взглядом записала опять неправильно «Ширшеневич Вадим Габриелевич», то он уже не стал её поправлять. Тем более, его имя вызывало подозрительную недоверчивость у любого советского товарища, с того времени как заработала мощная агитационная машина государства.

На каждом углу висели плакаты, которые призывали к бдительности и объясняли, что иностранные шпионы, враги государства и прочие вредители могут быть везде, но особенно активно прячутся в тылу. Народ предпочитал перегнуть палку, чем недогнуть, а на этом фоне «Шершеневич Вадим Габриэлевич» звучало, как настоящий компромат, как верный признак того самого «иностранного шпиона» и «вредителя».

«Интересно, что будет дальше?» — подумалось Вадиму в тот момент.

* * *

Конец марта 42-го выдался в Барнауле сырым и мутным. Война шла где-то далеко, даже казалось, что война для Барнаула стала чем-то вроде горькой причины для культурного подъёма. Ждали, ни много ни мало, приезда труппы Московского камерного театра. Вадим чувствовал себя плохо, с каждым днём кашель становился всё более назойливым и неуместным.

Иногда выдавались необычайно лёгкие состояния, а в теле словно поднималась волна какого-то воздушного вдохновения — это значило последующую неделю тяжелейшего упадка сил, но поэт Шершеневич ценил такие часы подъёма, стараясь работать как-то особенно тщательно.

В начале апреля слёг в госпиталь. Местные врачи говорят, что это брюшной тиф. Мрак и скрежет зубовой, всё раздражает и томит. Приходят сведения с войны — бои идут тяжёлые и это надолго. Уже точно надолго.

Неожиданно вспомнил, как собирались в августе у Образцовых. Ольга Александровна милейшая женщина, и муж её прекрасный человек. Образцов играет на гитаре бесподобно, тонко разбирается в архитектуре, как сказала о нём Татьяна Ивановна — «талантливейший человек». А сегодня начался буран. Не хочется ничего, словно ледяной сон охватил.

* * *

Вчера проснулся и увидел у кровати Мари. Она рассказала, что приехали Таиров и Коонен. А что я могу сейчас сделать, мне встать-то тяжело, не то чтобы работать. Да и лечение не терпит волнений. От волнений кашель начинает душить особенно яростно.

Как это сильно взводит, раздражение на себя, на кашель, на всю бессмысленность этой эвакуации и любой войны. Господи, как же глупо всё, нелепая тривиальность грязных простыней и изжелтевшая кожа рук. Взглянул на себя в зеркало и ужаснулся, Господи, как же я исхудал!

* * *

На Профинтерна я узнал, что нужные мне записи хранятся в отделе ЗАГСа Центрального района.

Заплатив 100 рублей госпошлины, я получил справку, из которой не узнал номера могилы, но узнал адрес, по которому поэт Вадим Шершеневич жил в Барнауле.

* * *

Да, да, так потом и скажут что-то вроде, что «для Барнаула конец лета и осень 41-го становятся поворотными моментами городской истории». Скажут ли о прибывших писателях и артистах — наверняка скажут. Вот как, например, меня назовут, по имени или имени-отчеству, опять переврут отчество или совсем не вспомнят?

Что за чепуха лезет в голову! Понятно, что передовицы сегодняшнего дня мало подходят для прогнозов. Говорят, что из европейской части СССР прибывают и прибывают поезда с эвакуированными гражданами, предприятиями, культурно-интеллектуальными человеческими ресурсами...

* * *

..Более ста разместившихся в городе предприятий необходимо было не только обслуживать. Точнее, для обслуживания такого количества производственных мощностей людей не хватало в принципе, потому работа велась смена за сменой без вы-

ходных и отпусков, без привычных для размеренной жизни провинциального города повседневностей. А повседневность здесь была, мягко говоря, разнообразной. По крайней мере, те пролетарии, которых довелось наблюдать, мало походили на высокодуховных потомков покорителей Сибири.

Местные пивные короли, за последние полстолетия превратившие Алтайский край в точки алкогольного дохода, сделали неизбежным появление параллельных точек сбыта. Какой-нибудь купец Ворсин сколачивал состояние на производстве алкоголизирующих напитков, после чего благополучно устраивал на свои деньги богадельни и приюты для сирот. Никого особо не волновало, что большинство униженных, обездоленных и оскорбленных являлись следствием разрушенных пьянством семей. Но веселительные напитки приносили немалый доход, потому производство пива, спирта и богаделен продолжалось.

Вместе с социальной деградацией шла дополнением деградация культурная, и после октябрьского переворота на этих землях творилось не пойми что. За время Гражданской войны положение стало не особо лучшим, потому предприятия, эвакуированные в Барнаул в начале Великой Отечественной, наполнялись человеческими коллективами, коих необходимо было твердо поддерживать в едином идеологическом порыве к труду на благо общества.

В этот глубокий тыл, а кто-то называл Барнаул и более ёмким сравнением с непотребными отверстиями человеческого тела, вывезли не только производственные мощности страны, но и целые коллективы художественно образованных граждан.

Некоторые отзывы данных граждан нельзя назвать иначе как восторженными. Та же актриса Алиса Коонен, а по совместительству и супруга широко известного театрального реформатора Александра Таирова, написала о прибытии в Барнаул ряд легкомысленно-интеллигентских пастельных пассажей вроде:

«В начале лета, простившись с Балхашем, мы уехали в Барнаул. Сейчас это один из крупных промышленных центров страны, но тогда он во многом сохранял еще черты старого русского города. На отдаленных улицах под ногами скрипели дощатые тротуары, в городском саду красовалась традиционная деревянная «раковина» для оркестра, по тихим улочкам летними вечерами прогуливались в обнимку девушки с длинными косами, поверяя друг другу свои девичьи секреты. Достопримечательностью города был большой парк. Крутой живописный обрыв спускался к самому берегу Оби. При входе в парк посетителей встречал медвежонок, привязанный цепью к большому столбу. Сразу же по приезде, оставив вещи в гостинице, мы побегали в театр. После балхашского клуба прекрасная сцена, просторный зрительный зал показались нам неслыханной роскошью. Теперь уж можно было думать о серьезной творческой работе!»

Правда, некоторые оставили крайне противоположные воспоминания о посещении некогда известного центра Кольвано-Воскресенского горного производства Кабинета Его Величества. Характерны здесь заметки Лещенко-Сухомлиной, певицы и переводчицы, жены скульптора Цаплина:

«Мы наконец в Барнауле. Город — глухая дыра, огромное село, разбросанное на огромном расстоянии. У Аленушки (дочь Татьяны Ивановны) тяжелая корь, которую она подхватила где-то в дороге. Мы живем в малюсенькой комнатухе. Цаплин ноет, стонет, каркает, что мы сдохнем с голоду...»

Все эти сентенции мало имеют отношения к настоящему быту Барнаула, но вот суть многих человеческих перемещений передают довольно точно. Тем более что настоящие трудности начинаются в жизни жителей города уже на второй год войны, когда записи прошлого года кажутся воспоминаниями из рая. Ведь, кроме нытья о своих неудобствах, русская интеллигенция традиционно отмечает сытости и достатки обеденного стола. Потому сохранились от 1941-го нежные восторги о том, что «хлеб здесь отличный», «на рынке есть картофель, овощи, мясо, розовое барнаульское сало, по толщине не уступающее украинскому».

Тоска по украинскому салу вообще приятна, особенно прибывшему из центральной Украины умному человеку Галицкому...

* * *

Наваждение какое-то, морок. Приподнялся на кровати. Сел. Дышать стало немного легче.

Вадим зло и даже как-то задорно представил лица своих коллег по культурно-литературным делам.

А ведь все они нахлебники, обычные паразиты. И никакой пользы в этих пьесах да водевилях нет и быть не может. Народ где-то всегда отсутствует в художественных фантазиях воспаленного сознания творцов произведений. Есть, конечно, весь не-

обходимый набор элементов вроде патриотических речей главных героев, смерти за Отечество, верности трудному пути земного рабочего или рабочего земледельца, но это же всё только элементы. Народа-то, народа как такового нет и никогда не было. Пушкин, Некрасов, Островский, да они народ, так же как и я сегодня, представляли лубками да вышиванками, в хороводе да на ярмарках. Вон ещё Лев Николаевич, старец великий — да пустослов он великий, и ничего более, — Вадим почувствовал, как горло схватывают спазмы кашля. Мокрота забила дыхательные пути, и в нос ударил привкус гноистого гнилья.

* * *

Кузнецова говорит, что знала женщину, у которой жил Вадим Шершеневич здесь, в эвакуации. Но женщина та давно умерла.

Сегодня поехал по адресу на гору. От Аванесова прошёл мимо здания-филиала первой городской поликлиники. Частный сектор с маленькими и запутанными улицными своротками.

Улица Денисова относительно широкая, хотя дома чередуются так, что улица словно пришиблена этим диким эстетическим видом. Сплошная эклектика в её нехитром выражении через социальное положение владельцев домов.

* * *

Вадим задыхался уже тихо и душно. Пережить май казалось невыносимо. Мари всё приходила и сидела рядом с кроватью. Тихо, так тихо иногда в окне жужжит пчела.

Вот и пчёлы уже проснулись. Или это муха? Да Бог весть. Комнатная температура всё ближе к телу, всё роднее телу становится майская сырость и прохлада. Вторая половина мая. Второй год Великой Отечественной.

* * *

В гробу все (и то правда) выглядят как-то одинаково. Примирительная каменность и неестественная масочность лица довольно страшна обывателю. Окружающие гроб участники трупы Московского камерного театра выглядели измученными, но маски мертвеца не боялись. Им, в конце концов, каждодневно приходится иметь дело с масками человеческих лиц.

Актрисы и актёры, костюмеры, Таиров — шутовская игра окончена, они стоят и наблюдают торжественный финал постановки. Таиров сказал добрую речь, помянул поэтические таланты покойника.

* * *

Панихида по Гумилёву, да, там ещё так трагически-пафосно заканчивает Шершеневич свои эквилибристические прыжки вокруг брюсово-гумилёвских переключек с чем-то и между собой. Вообще прав Вадим Габриэлович, всем нам не очень-то хочется оказаться дурными пророками, да вот, увы, Кассандра, действительно, всегда права.

Кенотаф. От дома остался только мысленный кенотаф, да и то лишь у того, кто знает, что искать. На улице Денисова сохранились все адреса домов со времён Великой Отечественной. Дома, конечно, перестроились и снеслись на некоторых номерах по два-три раза, но адреса остались неизменны.

Кроме одного. Да, того самого, где жила Люба, где проживал во время эвакуации поэт Вадим Шершеневич, где Шершеневич числился живущим до дня смерти.

Сегодня есть номера соседних домов, но нет ничего между ними. На месте последнего адреса Шершеневича оказался дом врача-хирурга, приличного и образованного человека. Он мне и рассказал, что когда-то тот дом был продан, снесён и теперь адрес есть только на бумаге, а по факту территорию разделили между соседями.

То ли синдром Кассандры, то ли кенотаф, Бог весть.